

Андрей Черкасов

Черкасов Андрей Дмитриевич родился 4.09.1987 в Челябинске. Учился в ЮУрГУ, окончил Литературный институт им. М. Горького. Был региональным куратором портала «Новая литературная карта России» по Челябинску и Челябинской области. Публиковался в журналах «Урал», «Воздух», «ШО» и др. Трижды входил в шорт-лист премии «ЛитератураРентген» (Екатеринбург) в главной номинации. Автор книги стихов «Легче, чем кажется» (Москва, 2012, 300 экз.). Участник АСУП-3. С 2007 г. живёт в Москве.

Филологическая маркировка стихов А.Ч.

Традиции, направления, течения: «легкая поэзия», модернизм, сюрреализм, обэриуты, постмодернизм, поставангард.

Основные имена влияния, переклички: Б. Поплавский, Е. Летов, Л. Шваб, А. Петрушкин, А. Сен-Сеньков, Д. Машарыгин.

Основные формальные приемы, используемые автором: автоматическое письмо, примитивизм, галлюциногенная нарративность, пустота как ключевая категория поэтики, звукопись.

Сквозные сюжеты, темы, мотивы, образы: обобщенный пейзаж (в том числе уральский), обобщенные персонажи, предметность.

Творческая стратегия: десемiotизирование предметов и знаков, всматривание в пустоту.

Коэффициент присутствия: 0,48

АВТОБИОГРАФИЯ

Писать автобиографию в неполные двадцать пять лет – в некотором роде испытание. Вроде бы жизнь (или, во всяком случае, «взрослая жизнь») только начинается, а уже нужно оглянуться, взглянуться, припомнить, назвать, остановить, очертить, отрезать прошедшее, как бы официально отказаться от него: это больше не мое, теперь это принадлежит бумаге. Последовательный и связ-

ный рассказ только усилил бы это ощущение, а испытывать это ощущение мне, честно скажу, пока не хочется, поэтому автобиография будет состоять из вспышек, поворотных точек и отступлений о том и другом, не жизнь, а лоскутное одеяло с узелками – кое-где, непонятно откуда, неизвестно зачем.

(Я не буду здесь много писать о людях, меня окружавших и окружающих, – это моя автобиография, мне тут барахтаться, а люди ни в чем не виноваты, незачем их сюда тянуть. Поэтому писать о них я буду коротко и только с благодарностью. И первая благодарность – моим родителям, моим бабушкам и моему дедушке, за всё, всё-всё, всё-всё. Я встаю на табуретку, чтобы это сказать. Не будь их – табуретка была бы пуста).

Однажды, когда я уже умел ползать, но еще не умел ходить, мне на голову упал утюг. Холодный. Ничего страшного или серьезного со мной не случилось, но иногда я предпочитаю думать, что этот холодный утюг что-то такое поставил на место.

Крестили меня поздно, года в два или три, к этому возрасту я умел довольно связно говорить и, как рассказывают, использовал это умение, постоянно комментируя обряд. Всем было весело, а я ничего не помню.

А.Ч., 1991 г.

В том же возрасте я рисовал на картонках от коробок разных зверей и птиц. Картонок было много, они долго лежали в бабушкиной квартире, достаточно долго – я успел слегка вырасти, найти их, запомнить. Потом их кто-то выкинул – может быть, я сам.

На протяжении нескольких моих детских лет мы ездили в Севастополь к друзьям семьи, проводили там, как мне тогда казалось, значительную часть летнего времени. Так или иначе, это было одно из первых оставшихся в непосредственной памяти эстетических впечатлений: узкие улочки, корабли, салют, ягоды, светящийся планктон, ветер, вода. Когда мы с моей будущей женой во время путешествия завернули в Севастополь, я обнаружил, что многого из того, что я помню, уже нет, а из остального не собрать волшебный кристалл.

Не помню, когда я научился читать, но помню себя читающим много и подолгу. Бабушка, папина мама, у которой я часто гостил, давала мне специально отобранные книги: стихи, сказки, что-нибудь адаптированное, что-нибудь познавательное. Дома я был предоставлен самому себе, шкафы с книгами из отцовской библиотеки были всегда под рукой, можно было брать все, до чего получается дотянуться, а если очень хотелось – можно было поставить стул, а если очень-очень хотелось – то и стремянку. Книги, таким образом, ко мне попадали самые разные, в том числе и те, которых я понять не мог, но и ничего не запомнил о них, кроме того, что они были, бывали.

Лет в пять или шесть я забирался на гараж во дворе нашего деревенского дома с метлой, которая была призвана символизировать гитару или микрофон, и пел песни группы «Мумий Тролль».

Лет в семь или восемь или позже и до какого-то возраста я мог переплыть озеро Шеломенцево, одного имени с той деревней, где у нас был дом. А теперь уже, кажется, не могу.

В семь лет меня не взяли в первый класс, потому что я был «недостаточно социально адаптирован». Не знаю, что произошло за год, но в восемь в первый класс меня взяли.

Первое сентября я помню только по видеозаписи. На мне была жилетка.

Второе (второе? Ну, скажем, второе) значимое эстетически-пространственное впечатление – от поездки в Западную Белоруссию, к родственникам. Поездок было несколько, не помню точно, когда и сколько, но теперь туда я тоже боюсь возвращаться, боюсь обнаружить, что чего-то нет или, хуже того, есть все, но края не сходятся, и все трещит и плещется на ветру.

Путешествие с мамой в Америку по обмену в 1998, что ли, году. Первый кассетный плеер, подаренный отцом в дорогу, первая кассета – Борис Гребенщиков, «Письма капитана Воронина». Нью-Йорк, ветер над океаном, пригороды, моно-

А.Ч., 2004 г.

полия, Warcraft II. Какие-то годы, школьные годы чудесные, ла, ла-ла-ла. Не о чем говорить.

(Еще один фокус, уловка, (само)обман – автобиография всё же должна быть с креном в сторону поэтического или хотя бы литературного, ну или хотя бы просто творческого – и можно не вспоминать всякой чепухи, а писать про то, как я писал стихи, не писал стихи, чьи читал стихи, чьи не читал стихи – это почему-то не жалко отдавать, вроде оно и так не совсем свое. Короче, вспышки гаснут, повороты выправляются, отступления отступают, речь течет).

Стихи я, собственно, начал писать лет в тринадцать или четырнадцать. Писал рубаи, подражая Омару Хайяму. Почему – загадка, уже не вспомнить.

Скоро в рамках четырех строк мне стало тесно, и я начал заполнять специально отведенные тетрадки бесконечной аккуратно рифмованной белибердой. Тетрадки эти долго лежали в одном из ящиков в моей комнате, через несколько лет я их, к счастью, случайно обнаружил и выкинул к черту.

Потом я писал чепуху не менее чудовищную, но уже не в тетрадку – я собирал из стихов циклы, выбирал для каждого цикла шрифт или несколько из стандартного набора программы Word-97, свое нехитрое графическое решение, распечатывал получившееся в нескольких экземплярах, скреплял степлером и раздавал друзьям и знакомым по тусованию на пешеходной улице. Циклы

Жена, Екатерина Соколова, с дочерью Ольгой

эти похоронены где-то в глубинах интернета и теоретически подлежат эксгумации, но я не хочу об этом думать.

С примерно теми же друзьями и знакомыми мы образовали группу под названием «Общество безумных поэтов». Ну да, а каких еще. Участники были из Челябинска и Саратова, почти все скрывались под псевдонимами или кличками. Мы составляли и издавали самиздатовские сборники с дикими картинками и дикими названиями, записывали кассеты со стихами, песнями и маленькими рассказами, двигаясь, как нам самонадеянно казалось, по следам Егора Летова и его соратников. Эти кассеты и брошюры люди возили с собой во время автостопа по стране, давали слушать и читать тем, кого встречали, — так это распространялось и стало даже определенным заметным локальным явлением.

После был период лихорадочного чтения и чисто физического накопления поэтических книг. Интернета практически не было, и в нем было трудно находить нужное, не имея твердых представлений о нужном, а тот факт, что некое издательство нечто напечатало, казался вполне достаточной причиной, чтобы это нечто прочитать. Итак, я с маниакальной методичностью прочесывал все книжные магазины города Челябинска и без разбора покупал все книги, которые были хоть как-то связаны с современной русской поэзией. Там была, понятно, в том числе и всякая дрянь, часть которой была прочитана и впиталась до того, как я научился разбираться, что мне необходи-

мо, а что нет. Но были и настоящие жемчужины, в том числе не замеченные мной во время этого безумного книжного накопительства, но сполна оцененные потом.

В 2006 или в 2005 году я в качестве слушателя отправился в Москву на фестиваль свободного стиха. К тому моменту я уже перечитал вдоль и поперек сайт «Вавилон», часто заказывал оттуда книги и что-то себе уже представлял. На фестивале я познакомился с Дмитрием Кузьминым, который спросил меня, с кем из уральской поэтической публики я общаюсь. Надо сказать, что до этого вопроса я вообще не задумывался о наличии на Урале поэтической публики. Да, у меня была одна или две книги Виталия Кальпиди, но это была явно недостижимая высота, какие там мысли о возможном общении. Были и оба вышедших к тому моменту тома «Антологии современной уральской поэзии», но формат антологии совсем не настраивал на восприятие напечатанных там авторов как отдельных человеческих единиц, которые находятся где-то неподалеку. Забавно, конечно, что на уральскую литературную жизнь мне указали из Москвы, но так или иначе, вернувшись в Челябинск, я эту самую литературную жизнь обнаружил — и понеслось.

(Нет, так не пойдет. Так можно никогда не перестать. Самое время покинуть русло, снова встать на табуретку, а спрыгнув с нее, в русло уже не возвращаться. Вот она, вторая благодарность — тем, кого я считаю своими непосредственными литературными учителями (перечисляю в по-

А. Ч. с родителями, 2005 г.

рядке появления на биографическом горизонте), – Дмитрию Кузьмину и Даниле Давыдову. Мне кажется, что я был не очень хорошим учеником, но это не мешает мне быть им благодарным и эту благодарность выражать).

Дальше были: поэтические фестивали, фестивали, фестивали, в Челябинске, в Кыштыме, в Екатеринбурге, в Нижнем Новгороде, в Вологде, в Саратове, в Чебоксарах, в Калининграде, в Москве, в Санкт-Петербурге, снова в Екатеринбурге, в Киеве, где-то еще, еще где-то; горы и горы стихов, прослушанных и прочитанных; маленькая горка стихов написанных; тысячи сделанных

снимков; море (ну, озерцо) выпитого; разговоры, разговоры, разговоры.

Где-то среди фестивалей и разговоров я сменил место учебы и переехал из Челябинска в Москву. На одном из фестивалей я познакомился со своей женой – поэтом Катей Соколовой.

Нашей дочери Оле в этом сентябре исполнится два года.

(А тут без табуретки, хватит. Просто – спасибо). Я закончил институт. Я (вроде бы) нашел работу. Я сочиняю стихи, гуляя с дочерью по детским площадкам и паркам. Жизнь начинается. До свидания.